

18+

МИХАИЛ МЕКЛЕР

Судьба в точке пространства

Михаил Меклер

Судьба в точке пространства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54164955

ISBN 9785449867155

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Да здравствует нормальная температура! На десять градусов ниже тела. Пусть навсегда утихнет буря эмоций, стрессов и всего, что надоело. Я помолюсь за всех детей в колыбелях за будущих мам вслух помолюсь. За больных в больничных постелях за погибших в боях поклонюсь. Пусть память свечей заполнит пространство души ушедших свет озарит. А память людей станет в жизни убранством за то, что живой сможет жизнь зародить. Тогда алфавиты всех языков человека Установят праздник жизни 21-го века.

Содержание

Квазиумофантазии	6
Последний, первый день	6
Перед смертью	8
Обетованный	11
Муза – ангел языка	14
Образ веры	17
Кошмар	24
Монолог	26
Пятая точка	30
Память с черной полосой	33
Галина Федоровна	37
Нет алгоритма и предела	38
Осколки сна	41
Кнут судьбы	44
Мой призрак	47
Больше чем ноль	50
Безумие	53
Во всём виновата власть	57
Ака – 70!	60
Паранойя	63
Беспредел	68
Портрет отечества	73
Стихи	78

За	78
12 ноября	80
Нутро поэта	82
На кончике пера	83
Разумные вехи	85
Основа основ	86
Жизнь без обратного билета	87
Пусть будущее не грустит	89
Земное добро	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Судьба в точке пространства

Михаил Меклер

© Михаил Меклер, 2020

ISBN 978-5-4498-6715-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Квазиумофантазии

Последний, первый день

Он прибежит, как будто жеребёнок весел,
отбившийся от табуна.
Ему на лоб гирлянду мы повесим
из бубенцов ночного серебра.
Идём его встречать всем миром света,
с надеждой, что он первый
и не похож, на дни другие в эстафете,
мерцающие, гаснущие где-то.
Я думаю, что день последний,
похож на паровоз,
на всех парах ревуший,
сжирающий угля обоз.
Эй! Кто там заправляет?
Постой последний день.
Что там впереди? Никто не знает.
Вселенская мигрень.
Какой он этот день, земле об этом невдомёк,
лучистым, голубым, кровавым,
она его возьмёт
и будет дальше править.
Он маленькая дверь надежды

в новогодний день, хотя
и не похож на дни другие. Как и прежде
нас всех объединяет он не зря.
Укрась нас чистотой своих желаний!
Пусть бедные людские сутки
мерцают над столькими усталыми сердцами
и дарят всем счастливые минутки!
С Новым днём и годом!

Перед смертью (последние мысли Стива Джобса)

Я достиг вершины бизнеса!
Все думают, что это моя жизнь. Я каюсь!
Это лишь успех генезиса,
если не говорить о работе, то я признаюсь,
есть много того, чему я рад
и вообще, богатство, если понимаешь
– это только в жизни факт,
к которому просто привыкаешь.
В настоящий момент я в палате,
лежу и жизнь вспоминаю.
Прикованный к больничной кровати,
очень осознанно понимаю,
что богатство и признание,
которыми я так гордился, поверьте,
потеряли свое значение,
перед лицом наступающей смерти.
Когда в темноте я вижу вдруг,
свет аппарата жизнеобеспечения
и слышу механический звук,
то чувствую смерть и её приближение.
Дыхание Бога где-то совсем рядом.
Теперь, когда денег у меня много,
самое время подумать об ином,

никак не связанном с богатством.
В жизни есть более важные вещи!
Например, постижение смысла красоты.
Для кого-то это внимание женщин,
другим искусство и детские мечты.
Постоянная гонка за наживой
превращает человека в марионетку.
Это может быть с каждым,
тогда жизнь закрывается в клетку.
Богатство, которое наживаешь,
невозможно взять с собой на тот свет.
Все, что можно унести понимаешь,
это воспоминания о любви прошедших лет.
Вот настоящее и ценное богатство,
которое должно следовать за вами,
сопровождать вас в другое царство
и дать силы двигаться с мечтами.
Бог наделил нас чувством,
чтобы мы могли рассказать:
о своей любви к близким,
как любовь может преодолевать
огромные расстояния,
ведь у жизни нет предела,
забраться до высот достояния,
вашего любимого дела.
Все находится в ваших руках.
Идите, куда зовет сердце.
Самая дорогая в Мире кровать,
это койка в больнице.

Имея деньги, можно людей нанять,
которые будут заботиться о вас,
но болезнь никто не сможет забрать,
даже если будет огромный аванс.
Можно найти любую вещь.
Но только одну, если её потерял,
уже не восстановишь это жизнь,
которую ты всегда покорял.
Неважно, сколько вам лет
и чего вы добились за жизнь.
У нас у всех наступит момент,
когда занавес опустится вниз.
Ваше сокровище – это семья!
Любите близких и всех иных!
Берегите не только себя,
заботиться надо и о других!

Обетованный

В лицо свободе я гляжу один:
она ведь тут, а я из ниоткуда,
мне суждено накапливать морщин.
Ерушалаим – божественное чудо!
В зените солнце щурит взгляд,
тут дышишь грудью в полный вздох,
здесь каждый камень точно свят
и нет причин для опрометчивых шагов.
Кругом узкий и радостный простор,
смотрю на прошлое я в оба глаза,
мне расширяет русский кругозор,
восточный дух до полного экстаза.
Как понимать, из каменных равнин,
все прорастает, почти повсюду?
Мы это все наглядно зрим,
нас восхищают результаты чуда.
Труд Народа, предков от Иуды,
есть подвиг жизни и необъясним,
нет у поколений грядущего испуга,
а древний дух всегда непобедим.
Здесь больше неба, я тут бродить готов,
стихи писать безмерно, состраданием,
чтобы метафор разных русских слов,
восток воспринимал с моим признанием.
Все осторожнее желание «напиться»,

пыл угасает для застольных встреч,
быстрее здесь гораздо простудиться,
если будешь тщательно себя беречь.
Слова теряют запахи греха,
признания тонут, как взгляд на рифе
и все длиннее мысли и строка,
а запятая прерывает звуки рифмы.
Наступит пробуждение начала,
по телу соленая вода скользит,
воды вокруг ничтожно мало,
а бром повсюду в воздухе парит.
Играют дети с утра и очень долго,
шныряя по площадкам бесконечно
и реют флаги бело синие гордо,
хотя нет ветра, но место это вечно.
Я переместился на песчаный восток,
окунулся в пустынную гладь,
на реке Иордан не заметишь буёк,
это место будет меня охранять.
Здесь жизнь мне так близка,
в чужих краях не спится
и обнимает одиночества тоска,
Алтай ночами только снится.
Я должен жить, ведь я еще не умер
и вальс из гроба, да снова в колыбель,
чужбина долготы, жужжащий зуммер,
переходящий в умеренную хмель.
Не утешит меня Париж одичалый
и карнавал не скрасит грусть,

не растрогать Шопеном Чалым,
тошнит от виски, ну и пусть.
Мое сердце есть рок любви.
Любовь и страсть в одних оковах,
мне чувства эти так близки,
что я блужу на их просторах.
О любви скучаю до утра,
всю ночь служу заветной цели,
той женщине, которая добра,
а чувства греют одиночество в постели.
Любовью дышит этот сон
и слух щекочет,
я слышу звука метроном,
в мозгах стрекочет.
Вот виден пламенный закат,
как красное вино,
завис в очередной Шабат,
на горизонте уж давно.
Губами и улыбкой,
произнесу на радость вам,
словами, очень зыбко:
«Шабат, Шалом!» Ле хаим!

Муза – ангел языка

Я адепт и постоянный скиталец седой,
растворился в европейском пространстве.
Пик путешествий достиг точки той,
где неясно, что будет дальше.
Воспринимать ли Иисуса, как только миф,
или как признак болезни души,
искусство представляет его как позитив,
превращая героев искусства в святых.
Незаурядная способность поэта
творить, когда его покидает рассудок,
осознанный разум при этом,
наступает в ночное время суток.
Поэта движет инстинкт и мудрость.
Поэзия есть продукт наших чувств,
а сознание творит чудовищность
и помешательство внезапных безумств.
Муза есть наш Ангел языка!
Муза, словно старшая дама,
ее голос неумолим наверняка,
как жены, или даже мамы.
Она диктует независимо от того,
где и как поэт проживает.
Жить и писать глаголы, от чего
абсурдно их в оборот вонзая,
ибо литература имеет,

прошлое неизмеримо огромное,
чем индивидуум сеет,
независимо от его родословной.
Поэт в принужденном изгнании,
вообще то конечно, в целом,
живет в перманентном скитании,
всегда под чьим-то прицелом.
Он просто ретроспективное,
смотрящее вспять существо.
Его реальность активная
и в будущем оно естество.
Во всем Свободный поэт,
если он терпит поражение,
никто не винит его силуэт
и он не просит прощения.
Мне часто снится, что я еще пишу,
там в России, где мой язык и подиум,
но как не трудно мне, отчизне я служу,
намного проще умереть за Родину.
Лирика очень зависит от духа музыки,
она не нуждается в образе и понятиях,
на столько, что позволит сама музыка
и ставит их рядом в пылу объятий.
Поэзия не выскажет ничего человеческой,
что безгранично уже заложено в музыке,
что принудила поэта к образной речи.
Музыка высшее творение на любом языке.
Язык не может обнажить суть музыки,
но он прикасается к ней силой поля.

Поэзия является излучением лирики
в образах, а сама музыка есть воля.
Воля для выражения в образах власти,
от шепота симпатии до раскатов безумия,
пользуется всеми участками страсти,
для человеческого блага и благоразумия.
В любой музыке Моцарт живет,
если есть черное, то это Малевич,
в каждом голосе Карузо поет,
а ямбом писал Александр Сергеевич.
Эйнштейн мысленно проник в свет.
Гитлер не смог весь мир захватить.
Всё, что Ленин написал умный бред.
Пингвин не может в небе парить.
Райские птицы поэтов, окольцованы,
судьбу каждому укажет перст,
над их монументами кружат вороны.
С ними рядом будет вечно крест.

Образ веры

Я иду, сутулясь под тяжестью лет,
а прошлая жизнь дышит мне в след,
ощущалось какое-то время спустя,
шуршание страниц, слегка шелестя,
которые оставил мой отец по сему,
перед уходом в предсмертную тьму.
Он так и не принял Господа веру,
принимая Всевышнего за химеру,
не дочитал он Ветхий Завет,
но очень хотел увидеть Тот Свет.
Поступь была стариковски тверда,
запомнил я образ его навсегда
и душу открыл перед сводами храма,
во мне происходила сознания драма.
Я не с рождения почувствовал крест,
полвека носил атеизма протест
и когда окунувшись в святую купель,
я увидел в будущем свою колыбель.
Засветился мой путь и расширился,
старым грехам совсем не гнушался
и время несло по нему без звука,
я понял, что вера есть добрая мука.

Если один лежишь в огромной спальне,
с бессонницей, закрывшись на замок,

понимаешь, что может быть печальней,
чем безысходность, когда ты одинок.
В часы ночные, предметы тяжелее
и мыслей скрежет глотает тишина,
подушки, покрывала кажутся белее
и пустота зеркал отражена.
Осень за окном, суровое дыхание,
будто в комнате томительный покой
и тянет в край любви разочарований,
наедине с написанной строкой.
Душно, ни ревность, ни старость,
не удаляют эту опухоль ночи,
где-то в душе шевелящийся нарост,
колит и трет судьбы позвоночник.
Во внешности спящей чей-то сторож.
Молчание, как пауза, мыслей занятие,
считывает предсказание, как сон Божий,
стихами, пульсом, часами, закланием.
Жарко. Так глина в руках задыхается,
чтобы стать чем-то на нас похожими,
жизнь коротка и быстро кончается,
значит умрем простыми прохожими.

Тени людей, как призраки ходят,
жизнь города совсем без надежд,
в небе бронхит ошалевший воем,
настигая несчастных, одиноких невеж.
Духовный разлом в мозгах свирепеет,
молодежь без идеи тоскует с пьяна,

интеллигенция вырождаясь, тупеет,
а будущего даль безнадежно черна.
Что будет? Если соберутся бродяги,
а мелочи не хватит, чтобы пожрать
и снова баррикады, окопы, ГУЛАГи,
власти не имущие начнут воевать.
Россия моя, страна бескрайняя,
ты похожа на сумасшедший дом,
у человека судьба печальная,
обреченность есть его синдром.
Очнитесь, выйдем на простор
и посадим семя на поле чудес,
пусть зайдет из недр приговор,
чтобы народ России Воскрес!
Вселенная теряет звёзды, как мелочь,
люди торжествуют в войнах и цирках.
Поэты молчат, не понимая слова «вечность»,
а чудаки в цирках танцуют на опилках.
Действует сила народного волнения,
как песня дикая, как красное вино.
Это революция, пустое наваждение,
бессмысленно вошедшее в окно.

Да, есть камни, чтобы строить и ваять,
будут жертвы, чтобы помнить и молчать,
есть патроны, значит, будут их стрелять
и в отчаянии за конституцию кричать.
Мы напряжения в молчании не выносим,
в стихийном лабиринте иноземный бес.

Мы снисхождения гуманитарных просим
и положительных эмоций ждем с небес.

Подлинно во мне печаль живет,
душа висит над страхом пустоты.

Поэзия от бездны не спасет,
за все в ответе лишь кресты.

Лети душа над колокольной ввысь,
пусть вечность на каменных часах,
показывает будущему мысль,
начертанной кириллицей в стихах.

Настал и мой черед живой,
чувствую крыльев размах иной,
мысли сами летят стрелой,
в строфы рифмой, одна за другой.

Мой маятник души и глух и строг,
в висках стучит запретный рок.

Я открыл в себе лазоревый грот
и не жду, когда смерть придет.

Исчерпав свой путь, я в срок вернусь
и ответить за написанное не боюсь.

Из-за морей стране родной оглянусь.

Зайду в Храм и до земли поклонюсь.
Утроба есть памятник кровотечению,
страшной болью закрученная труба,
лаз из неведанного, да в провидение,
начало судьбы, всей жизни раба.

Траурными вариациями в столетний переход,
тревожась надеждой до неба добраться,
свою тень помещал головою в полет,

чтобы из бедности на свободу прорваться.
Бежал, пораженный хохотом грешника,
по судьбе, лабиринту без остановок,
похожий на клоуна, злого насмешника,
измученный от недомолвок и рокировок.
Запутался в блеклых сетях невезения,
отмечен за вольность свою небесами,
внезапно оглашенный за откровения,
окропил я золотом мечту с куполами.
Затем стремился в разгоряченном раже,
пробиваясь через жестокие реальности,
пролетал косые кошмары и ужасы даже,
пережил все тюремные шалости.
Многие inferнальные признаки зла,
ссор чешую и обертки болезней,
запихал в чемодан, отнес на вокзал,
спрятал от глаз, засунул под лестницу.
Себя загоняя, спешил до последнего,
с одышкой такой прямо в пропасть,
где осталась идеология мышления,
да забытая, галдящая молодость.
Люблю за баварской кружечкой пива,
читать бредни и горечь писания,
ждать реакцию оппонентов терпеливо,
чтобы повергнуть себя в истязания.
Жизни поход из тайги и песка,
в ликах и жестах навеки остался.
Страстью избыточной освистал,
жажду не утолил, но пробрался.

День каждый раз кончался на дворе,
первая звезда на небе появлялась.
Закат, как кровь, висел на топоре,
отражаясь в небе, солнце любовалось.
Дом закрыл. Ворота на замок
и земля по совести остыла.
При свечах библейский слог,
сам себе я бормотал уныло.
Облака закрыли луч звезды
и вода в реке студеная чернела.
Чище смерть, чем муки от беды,
а земля правдивей и страшнее.
Догорали свечи и во мгле,
тишина настигла внутренние своды,
продолжал молиться я во тьме,
за свет и благодушие природы.
Рассвет пошёл, уже светало,
петух горланил во все горло,
жить продолжал, как бы с начала.
Образ веры действовал покорно.

Господи, Всевышний! Помоги!
Народу русскому расправить плечи.
Пусть у них всегда чей.
цветут сады
и никогда не гаснут в Храме свечи.
Дай в каждый дом насущного вполне,
достаток провианта и разного вина,

сознания каждому в заботе о семье,
чтоб все богаты были, не только Родина.
Постиг я тишину Его безмолвия,
под шорох тлеющих свечей,
без грома в небе засияла молния,
как знак божественных лучей.

Кошмар

Абсолют нашего государства это кошмар,
порождает и компрометирует друг друга,
так как долго горел коммунизма пожар
под контролем демократического круга.
Мы живем, не чувствуя пульса страны,
под надзором кремлевского Чудотворца,
наши речи уже за углом не слышны,
а слова его, как у прошлого горца,
абсолютно тяжелы и верны.

Кругом стая кровожадных вождей,
в них столько мучительной злости,
лизоблюдов, чиновников, не людей,
забивающих его указы, как гвозди
в наши души без конкретных идей.
Нам не понять их суть пространства,
им наплевать на пульс толпы,
народ наш, обреченный на мытарства,
приобрел из опыта свои черты,
быть быдлом и терпеть тиранство.

Скажите мне, если не солгали,
какие на меня поставили флажки,
какой свободой меня околдовали?
Чужая речь мне станет оболочкой,
лишь мысли будут Русской строчкой.
Я книгой стал, которая вам снится.

Мой дед мгновенно был расстрелян,
на много раньше, чем я успел родиться.
Теперь образ свободы обесценен,
в нас ген живет и мы способны защититься.
Я неустанно рву повествования нить,
в запутанных погонами скандалах.
Мечусь туда-сюда, не знаю, как же быть,
подобно року, живущем в децибелах.
Быстрее хочется все это позабыть.
Я морю говорю, шуми без всяких дум,
мне написать про все не доставало,
под твой ласкающий приборя шум,
как в прошлый раз мгновенья будет мало
и недостаточно для жизни будет сумм.
Я выброшу эпитеты из речи,
ведь всё равно стекло не укусить,
сосредоточу мысли без наречий,
я не могу в таком кошмаре жить,
быть в обороте всех противоречий.
За ложные, незаконные деяния,
лихая плата может долго ждать,
со мной мои, любимые скитания,
страницы перелистывают вспять
и вновь пишу я про свои страдания.

Монолог

Пишу свой бесконечный монолог
проблемами зажатый в переплет,
и в душу пытаюсь углубиться,
чтоб жизнью вдоволь насладиться.
Я стал похож на стрелку циферблата,
меня караулит суровая расплата.
Гнетёт меня мое безделье,
души тревожное похмелье
и ужас, что я стал не тот.
Не представляю, что произойдет.
Нет места, куда от слов своих деваться,
со смыслом жизни невозможно расставаться.
Вернись! Любовь свою прошу
и к ней свои молитвы возношу.
Не отдаляйся! Остановись! Прости!
Надежду рядом быть, держу в горсти
и молча к тебе протягиваю руки,
избавь меня от равнодушной муки.
Нет смысла громко так кричать,
бессмысленно за что-то причитать.
Я поражен присутствием маразма
и непонятого для меня сарказма.
Ты гонишь жизнь по острию ножа,
но не любви, покорности служа,
а наша дружба превратилась в тяжбу

и ждет она, что я отвечу так же.
Ты желаешь решать свои проблемы,
но не готова на крутые перемены.
А я за все, что полюбил в тебе,
теперь не нахожу в твоей душе.
Я задыхаюсь от ревности,
держу энергию верности,
из времени плету одиночество,
а язык превращаю в творчество.
Неблагодарное ремесло поэта,
заставляет присесть на диету.
Я совсем уж и немолодой,
хожу с бритой и седой головой.
Свой пыл мужской я сберег,
ведь годы мужчине впрок.
Только ты – жена души моей,
нет тебя красивей и милей.
Я мечтой о любви истомлен,
но от тела твоего отлучен.
Тело водолея – мечта поэта,
таит интригу и шарм для сонета,
в нем есть все, о чем мечтать,
и для творения оно благодать!
Я чувствую в теле – военный квартал,
на нем только я – я твой генерал.
В венах и генах живет доброта,
все для тебя, но ты вовсе не та.
Когда же я слышу шепот плача,
ты говоришь что, будет иначе.

Птицы тоже за горизонт стремятся,
но они стаей повсюду гнездятся.
Долгий путь пришлось мне пройти,
чтобы понять, что нет вечной любви.
Слова любви для водолея утешение,
Божественный сосуд для вдохновения,
не сохранить влюбленности и страсти,
во всей красе твоей и твоей власти.
И пусть без звука идет наш диалог,
ведь ты поймешь когда-то силу строк,
а наши души все равно соприкоснутся,
тогда и сможешь ты в себя вернуться!
Молчание – есть мысли, но без слов,
они берутся из прошедших снов.
Да нам с тобой разлука суждена,
когда наступит просто тишина,
но не сейчас, а после нашей жизни,
когда я не смогу купаться в эгоизме.
Быть может вечность это сон небес?
Мы не находим синоним для словес
и перемешиваем вещи и слова,
битком словами забита голова,
а секс мы путаем с любовью,
любовь не терпит суесловие.
Она – предвестник бушующей речи
и взгляд прощания при встрече.
Жизнь наша это только разговор.
Речь хаоса из слов и просто вздор,
лицом к лицу и губ движений,

упреков и бесконечных возражений.
Я жду, когда же ты придешь
и мне свою улыбку принесешь,
вновь объяснишься своим взглядом
и станешь близко, а не рядом.
Вот ты, крадучись, на рассвете,
придешь любя, мечтой согрета
и страстью окропишь мою постель,
я буду ждать, пусть скрипнет дверь.
И мы соединимся плотью до изнанки,
без слов, обид и перебранки,
исчезнут мысли всех утрат,
как много лет тому назад.
Губами молча наслаждаясь
и лишь мгновением упиваясь,
мы сможем выплеснуть всю страсть,
оргазмом утолиться всласть.
Меня тревожит сон в ночи,
и каждый раз огонь свечи,
я заклинаю и ревную,
тебя я глажу и целую.

Пятая точка

Мчится жизнь моя вне закона,
лишь добрую память о тебе берегу,
нет креста на мне и медальона,
но я в любви настоящей в долгу.
Нет зеркала, где образ твой застыл
и взгляд струится из души на мир,
если руки взметнутся вместо крыл,
то ты возглавишь журавлиный клин.
Твой облик, будто бы с холста,
сошел классической походкой,
не ведома твоя немая нагота,
ты нежность хранишь за перегорожкой.
Твоя веселая улыбка, не шутя,
несет безмерность твоей власти,
а смех, как у малого дитя,
восторг царит от радости и сласти.
Я обнимаю твой портрет
и мысленно вхожу в него игриво,
на свете женщин просто нет,
кому бы так, писал я горделиво.
Скажи, в чем правда у любви?
Что говорят об этом розы?
И звуки чувства, до ре ми?
Уж точно, не в постельной позе.
Когда полюбишь, то поймешь,

что её не забыть никогда,
если счастье свое вдруг найдешь,
то останешься с ним навсегда.
Ты просто уникальна
и в облике твоём,
любовь маниакальная,
господствует во всем.
Буду любить тебя бесконечно,
пока континенты с мест не сойдут
и океан не иссохнет беспечно,
а рыбы нам Сулико не споют.
Я буду в паутине световой
по миру тленному скитаться,
жить там, где воздух голубой,
свободой жизни наслаждаться.
Нет, трагедий не вернуть,
а землю где-нибудь да обрету,
не потерять бы веры суть
и сохранить любви мечту.
Захороню опальные стихи,
в душе небесный камень блудит,
я не сужу тебя и, боже, не суди,
судьбу за то, что с нами будет.
Люблю тепло, твое дыханье,
ты это ты, явь это явь,
мое в стихах тебе признание,
сильней и откровенней кляत्व.
Мы где-то рядом, я и ты,
обличенные в одну оболочку,

пусть совпадают наши мечты,
я влюблен в твою пятую точку.

Память с черной полосой

Вода огромной реки, проносится боком,
мимо барнаульских холмов, бурля потоком.
Деревянный город спит в ночи, сопит уныло,
а жителям снятся все те же сны, про то, что было.
Уверенно шествует смерть, ползёт по карте,
все те же трамваи ЧТЗ и ямы на сером асфальте.
Дети похожие на дедов, охраняют могилы,
вспоминая своих отцов, которые еще живы.
Всюду запах полей, люцерны цветущих
и тот же угрюмый народ, с утра бредущий.
Время подчиняется вселенским поводьям.
Кому рассказать, как жизнь проводим?
Может луне, пусть приливами правит не так вяло,
облакам гонимые ветром, как сползающее одеяло.
Кому душу открыть? Тем, кто уже в могиле?
Может тем, кто с похмелья, они счастливые.
Как объяснить корням, в ледяном сугробе,
что наши мысли не там, а шляются по Европе.
Грустно от могильной доски и мороз по коже,
память с черной полосой не станет моложе.

Цепочкой лет окованы эти рифмы,
дни уходят в одну бесконечность,
а недоступность эллинских Нимф,
хранят мгновения и скоротечность.

Смерть выбирает слабых у порога,
ей не нужны поля и перелески,
внезапно, раз, и переходит дорогу,
поймает жизнь в намеченном отрезке.
Ушло от нас безвременное племя,
еще в рассвете сил, цветущей бахромы,
оставив тяжесть и прожитое бремя,
суровым дням, где доживаем мы.
Они допели уже все свои куплеты
и полегли в готовые могилы,
оставив сиротам на память силуэты
и край земли на кладбище унылом.

Будем помнить их без сомнения,
мир без тела не будет пуст
и не исчезнут их творения,
осталась память рук и звуки уст.
Что нам судьба еще готовит?
Повод к разлуке сильней её смысла.
Когда нет слов, молчание глаголет
и наполняет пустоту эгоизмом.
Тучи разогнать может ветер,
стихия в природе бессмертна,
у каждой смерти есть свидетель,
который в будущем однозначно жертва.
Всех нас ожидает место в могиле,
под грудой цветов и пением птиц,
там где лежат и раньше жили,
в вечной темноте и тесноте границ.

Смерть неожиданно встречает,
она бывает всегда с другими,
её не ожидают, а провожают
и дни становятся роковыми.

Дамы и господа, и все дышащие,
жующие, пьющие и просто спящие,
мыслящие и включенные в круговерть.
Вас всех поджидает внезапная смерть.
Смерть меткий стрелок и не надо воображать,
что вы здоровы и вам ничего не может угрожать.
Смерть потребует от вас расплатиться,
за то, что пришлось вам на свет появиться.
Смерть врач, к ней каждый на прием придет,
она вылечит и денег за это не возьмет.
Смерть постучится и успеет вам предложить,
два метра земли за бесценок купить.

Черный мундир и черный халат,
чернеет кровь, если дури игла,
вонзает в вену смертей каскад.
Чернее черного творятся дела.
Ночь без луны полуночная мгла
и тьма не чувствует силуэты теней,
как только потухнет в топке зола,
черный уголь становится еще темней.
В черном небе висят черные тучи,
черные мысли сидят в голове,
а чёрный день всегда невезучий,

есть место черное в каждой судьбе.
Двигалась процессия под траурный аккорд,
чернела полночь, чернела память,
черные строчки вошли в некролог,
черные птицы продолжали каркать.
Черная излучина, черный календарь,
до черноты замучила, черная вуаль.

Сокрыты небеса, следы и тени.
Играет колокольный перезвон
там, где быстрая вода в помине
по бражникам, ушедшим на поклон.
Воскресли своды, письма
внутри всепоглощающего света.
Лишённые согласных имена,
парят, как птицы Ветхого Завета.
Не слышно стонов мучеников веры,
размыты временем года на стенах,
дрожит мотив, и покаянные напевы
ласкают слух, его касаются несмело.
Лампады, кольца, кружева, всё – храм.
Всё – в матовом, пушистом дыме.
И колокольный звон навстречу небесам
над Барнаулом поднимает Нимбы.

Галина Федоровна

Горела ты и молча догорала,
как та свеча, что никогда не догорит.
Ты детство нам собою освещала,
нам память о добре с тобой хранить.
Она ушла, не хлопнув дверью,
с собой улыбку и девственность храня,
все дети знавшие её несут потерю,
скорбь разделяет вся наша родня.
Ушла ты в ночь от нас,
так и не промолвив слова.
Тебя мы вспомним каждый раз,
на Рождество Христово!

Нет алгоритма и предела

Все угасло, спустился мрак,
в правом боку беспокоила почка,
ночь пролетала просто так,
времени пропуская цепочку.
Поезд шел на юг, к себе домой,
через туннели, минуя снежные горы,
ландшафт за окном, окутался тьмой,
начиналась земля, где живут синьоры.
Из всех внутренностей, только глаза,
помнят все, что происходило со мною,
смена места связана, взглядом за
барьер, где ценят и охраняют свободу.
Море баюкает берега миллионы лет,
не меняя свой горизонт,
человек повсюду оставляет свой след,
напоминая свой понт.
Все то же перо держу в руках,
от пищи совсем нет изжоги.
Солнце чаще висит в облаках,
мозги не устают, они же не ноги.
Голова пухнет от зрелых мыслей
и гонит тело строго на запад,
чем дальше, тем бескорыстней,
купола церковей без золотого крапа.
Я пишу в центре Старого света,

сняв пробу с германских рифм,
бессонница строчит до рассвета,
умлауты маршем чеканят ритм.
На чужом языке тьма, бесконечность,
неизведанность сути метафор,
проще глядеть в телескоп на вечность,
или рифмовать, как пашет трактор.
Ночь в разгаре, слышно сову,
часовые сопят на своем посту,
и только луна не спит наверху,
непрерывно гонит приливов волну.
Все, что утром прочтут сетей постояльцы,
утащит в прошлое, осевшая пыль,
если правнук пролистает все это пальцем,
то значит не зря я всё сочинил.
Мы движемся перпендикулярно полу,
так хочет земля, её притяжение
и не всегда находим опору,
падая на пол для подтверждения,
что для нашего мяса есть тяготение.
Мысли притягивают, другое мнение,
чтобы довести его до преломления,
а затем использовать по назначению.
Только затянутый паутиной угол,
не знает, что он прямой,
так и слепой движется тупо,
хаотично, нащупывая твердь ногой.
Мысли, изложенные ритмично в рифму,
заставляют думать лишь о том,

что в стихах не может быть алгоритма,
они происходят, произвольно, гуртом.
И только те мысли будут достижимы,
чьи черты в пространстве неповторимы,
даже тень повторяет движение тела,
произведение стихов не имеет предела!

Осколки сна

Море зарей горизонт умывало,
чайки шумели, трогая бриз,
ты не пришла, день лишился начала,
лишь пузырился Шампани каприз.
Я целовал твоё потное тело,
наслаждаясь солью души,
чувства мгновенно от страсти немели
и заполняли память любви.
Желание достигнуть и раствориться,
в объятиях любимого человека,
осталось мечтой, которой не сбыться,
стучался сон в закрытое веко.

Я пробудился этой ночью,
услышав голос твой во сне,
обрывок фраз и многоточие,
не приносили утешений мне.
В какую-то последующую ночь,
ты вновь придешь, красивая, нагая
и не промолвив слов, исчезнешь прочь,
за остановкой уходящего трамвая.
И так все время, на исходе сна,
ты появилась, чтобы снова раствориться,
но каждый миг живет тобой сполна,
я успеваю нашей встречей насладиться.

Проснутся сны и на задворках яви,
когда уже мы будем в царствие теней,
я руку протяну тебе и буду в праве,
быть вместе с недоступностью твоей.
Так долго вместе не были вдвоем,
встретившись обнялись и не знали,
как дальше, будто заново живем,
слов не нашли, а потому молчали,
пока по небу не прокатился гром.
Они так чужды были всякой новизне,
сжимая руки и тесные объятия
и только губы прикасались в темноте,
не слышно было скрип кровати,
любви раскаты тонули в сладком сне.
Мы долго вместе обнимались с ней,
без кухни, мебели, камина,
что сделали из собственных теней,
картину чувств для пилигрима,
на память пролетевших дней.
Мерещился мне холод, потом жар,
снился мрак и чей-то лик,
куб, заточенный в стеклянный шар,
качающийся на волнах блик.
Снилось также, что Пони ржет,
что умер я, потом воскрес.
Зеркало смерти никогда не лжет,
нет изображения, человек исчез!
Пусть вьюга во сне гудит
и остается злой,

будущее никогда не грустит,
надежду хранит собой.

В кромешных снах видений поток
и жизни движений абсурд,
если вдруг свистнут в свисток,
прекратится снов каламбур.

Вот проснусь и видениям воздам,
теньям, которых еще люблю
и бессмысленным, долгим речам,
значит я просто крепко сплю.

Кнут судьбы

Часто у скрытых дарований
нет поклонников из прохожих,
много людей без внимания,
считает дурное хорошим.
Это есть повседневное зло,
как избавиться от такой беды?
Сомневаюсь, чтобы нам повезло,
изгнать из сознания эти плоды.
Есть единственное средство на земле,
но оно практически абсурдно,
надо, чтобы глупцы стали умными везде,
наверно этого никогда не будет.
Они не знают цены вещей.
Судит их глаз, а не ум.
Они ничтожное хвалят вообще,
не имея понятия, наобум.
Славь других, себя уронишь,
дашь другому жить на свете,
так себя со света сгонишь,
для чего рожден я на планете?
Чести и славе поклоняться,
вы это не хотите признавать,
желая чем-нибудь казаться,
охотно готовы меня отрицать.
Едва ли ревность сейчас важнее,

болезней, снов и мыслей строк,
не позволяю изменять себе я,
свобода праздника, грехам урок!
Не надо думать ни о чём
и в одиночестве тоску гонять,
улики обжигать свечой,
чтоб преданность свою предать.
Мы так недолго были вместе,
годам подвесив ярлыки,
что дети подрасти успели,
и не сносились каблуки.
Мы не успели насладиться,
той жизнью в роскоши кино,
что вот уже пора проститься,
быть рядом, просто не дано.
Мы лишь успели обнажиться,
но не уснуть во сне в объятиях,
твое желание ухитриться,
стать в одиночестве богатой,
как ураганный шквал стихии
с корнями вывернул любовь,
нам не дожидаться той миссии,
когда мы вместе будем вновь.
Да, я, выдавший жизнь поэт,
не раз испытывал свою судьбу,
пишу о сходстве наших бед.
Все будем одинаковы в гробу.
Пусть мы при жизни разноликие,
фантазия основа есть для сплетней,

но факт наличия улики,
в любви этап совсем последний.
Зло уступает место для добра,
уже неважно, что чувствую внутри,
жизнь продолжается, она мудра,
а сердце свободно для поиска любви.
Кнутом судьбы себя безжалостно веду,
на свалку лет прокисших дат,
не будет места мне в Аду,
ищу тропу в небесный сад.

Мой призрак

Глотаю голод в пустоте,
кромешной ночью,
журчит желудок в темноте,
так, между прочим.

Я рад бы муку утолить,
но лишь словами,
судьбу безмерно потопить,
на век, слезами.

Ирония из ненависти рвется,
в стихи заходит,
надежда с иронией сживется,
все происходит.

Мой образ на призрака похож,
живой иль мертвый,
а существую словно бомж,
во всем голодный.

Проходят дни раздробленной судьбы.
Уже не ставлю в календарь отметки,
я втерся постепенно в уровень толпы,
мне ветер шепчет что-то по-немецки.
Весна кругом взирает на себя,
приятно наблюдать за этим глазу,
вот место, где забила кол судьба,
я здесь прижился как-то сразу.
Мой призрак оторвался от природы

и улетел в другой пейзаж листвы,
туда, где нет готической структуры,
а есть душа, в которой только ты.
Здесь, в центре старого света,
на плоской земле, холмы, лощины,
она коротка до горного хребта,
горы пересекают её, как морщины.
Ночи беспокоят вереницей в ряд,
мыслями о жизни и смерти,
где-то рядом рай, ангелы говорят,
но ближе ад, мне вторят черти.
Только мысли о себе и семье,
перед сном звучат колыбельной,
как прижиться в чужой стране,
где нет наций и нет губерний.
Усну, спокойно в этой тиши.
Все спуталось на разных широтах,
а утром мысли свои запишу,
выживая в иммигрантских заботах.
Устами излагаю грусть,
дал Бог словами,
когда на родину вернусь,
я буду с вами.
На срок предвиденный увяз,
в земле Баварской,
но точно не в последний раз,
адепт скитается.
Простите все, кто мне знаком,
без сцен стенаний,

язык родной – мой отчий дом,
в моих признаниях.

Больше чем ноль

Писатель отличается от живописца
одинокими мыслями от своего лица,
шорохом и скрипом пера
и частым перелистыванием своего нутра.
Живописец отличается от политика
отсутствием знания, в чей адрес критика,
нервами, не закрученными в канат,
и невозможностью получать откат.
Политик отличается от читателя
не принадлежностью к среде обывателя,
высоким мнением о себе самом
и частотой попадания в дурдом.
И только неизвестный всем читатель
выглядит, как одинокий журавль
и не отличается ничем от писателя,
из-под которого на миг ушла земля.
Для него книга – необычайна и проста,
как для нашего века изобретение колеса.
Скорость жизни как перелистывание страниц,
навязанный знаменатель и всеобщность лиц
происходит по законам притяжения звёзд,
где бродит муза в пространстве грёз.
Только в царстве воздуха мы делаем глоток,
чтобы мысль после выдоха выражала слог.
Нет на земле вещи безупречней, чем алфавит,

делающий нас гуманнее, когда мозг говорит.
Грамматикой и языком – вот чем живёт разум.
Человек без этого впадает в маразм.
Мы хотим выстроить жизнь наподобие алфавита.
Создать портрет на лоне природы, которая свита.
Мы движемся дорогой фантазии, в своей эклоге,
выстроенной из шагов, разместившихся в слоге.
Мир состоит из вещей, а мы живём мыслями о них.
Вещи уязвимы, их формы суть воображения самих.
Мысли о вещах быстро забываются,
даже если что-то всё время теряется.
Просто наша жизнь, как песня пастушья,
но мы не страдаем от равнодушия.
Мы, пастухи пустоты и четвероногой мебели,
символ красоты, уплывающие за горизонт лебеди.
Там, где вещь кончается,
пустота начинается.
На этом месте любопытство
и начинает искусство.
Искусство общается с человеком тет-а-тет.
Между ним и нами невозможен запрет.
Интеллектуальное равенство гарантирует природа.
Но есть невидимая преграда.
Не любят искусство те, кто владеет благом,
за его доступность под нейтральным флагом.
Там, где искусство, согласие заменяет равнодушие,
а поголовное разногласие расчленяет единодушие.
Нули, которые управляют властителями блага,
точкой и запятой превращаются в рожицы на бумаге.

Способность творить помогает свою судьбу прожить,
а навязанная благодать заставляет служить.

Мы то, что знаем, делаем, а что не знаем творим.

«To make» заменяет «to create».

Шедевр не знает, что мы хотим.

Гений редкая случайность, понимающая истину.

Гений есть от Бога, точно, Воистину!

Поэт переносит себя стихами в материю,

стихи выносят его за пределы способностей в мистирию.

Там и создаётся шедевр, который всех удивляет.

Нет творческих способностей перед тем, что ужас
вселяет.

Мы стихи сочиняем ради любви,
и чтобы наследить после себя- OUI.

Мы выражаем себя в окружающем мире
и выражаем душу свою, обнимая лиру.

Поэт – средство существования языка,
он тот, кем язык жив наверняка.

Язык старше нас и приспособлен к мутации.

Наши стихи переживут нас даже в иммиграции.

Начиная стихи, мы не знаем конец и берём отсрочку,
язык сам продиктует нам следующую строчку.

С рифмой можно зайти туда, где никто не бывал.

Качество поэзии определяет языка потенциал.

Колоссальный ускоритель – это стихосложение,
мы попадаем в зависимость от этого явления.

Поэзией мы на всё проливаем свет.

Человек, зависимый от языка, – и есть поэт.

Безумие

Безумие интеллигенции грозит,
для разума одной воды, наверно, будет мало.
По бумаге мыслями перо скользит.
Когда же пробуждение? Кругом одно начало.
Судьба осталась с бородой,
а губы из породы «попросить бы»,
мой лик – колючий и седой,
вот полоснуть бы всё опасной бритвой.
На фотках прошлого бледные герои
с трудом читают ломанный язык,
а между строк плывут в очередном запое
и ждут, когда побреется старик.
Всё как обычно, в неглиже с женой
уходим в космос за оргазмом.
Потом утихаем за фанерной стеной,
насладившись пустотой маразма.
Держусь подальше от глупостей и ссор,
что каждый раз невидимой тропой
в обход зеркал проникнет в мой затвор
и наши ноты запустит вразнобой.
Как муторно при тусклом свете лампы
быть с первобытной милостью наедине.
Блаженную болезнь с печалью пополам
лечить, утопая во французском вине.
Пусть бродит огонь над горящим углём,

а мания славы по жилам побродит.
Каждому хочется где-то побыть королём,
в чем-то быть властным, и на свободе.
Пусть все политики вздрогнут и обернутся,
и ослепнут от света в тёмных углах,
по выморочным щелям навсегда расползутся
и останутся вечно в бесконечных долгах.
Пусть их настоящее закиснет в разлуке,
они превратятся во чреве роаяля в настой.
Болезни нападут на них в несмолкаемых муках
и они никогда не смогут обняться с женой.
Пусть пройдёт их любовь, как проходит дождь
и для них всегда будет пасмурным небо,
тогда каждый сможет понять, что он сторож
своего амбициозного кредо.
Слышу вызубренное прошлое столетие,
как стук молоточка по мозгам.
Завидую свободе студентов,
меняющих завоеванные сердца дам.
Помню молодой коктейль потуг
и танцы в обнимку с упругой талией.
Я до сих пор слышу, как ангелы не поют
и видел, как художник улыбку правил.
С его лёгкой руки привычные вещи
теряли свой цвет и очертания.
Мои строки, как временные трещины,
наполняются неизвестным молчанием.
Грехи друзей фантастическим грузом
в печаль обращали лица девиц,

а я оставался, как запах арбуза,
недостижимым для прикосновения лиц.
Моё любопытство к пространству женщин
не лишало меня сна и рассудка.
Я ждал и копил свою надежду
для верного в судьбе поступка.
Кругом влюблялись и убивали
веру души в единственную любовь,
а лихорадку тушили губами
и так продолжали всё время и вновь.
Теперь на закате желаний и лет,
я ощущаю прелесть сил мужских,
рождённый ползать не идёт на взлёт,
а прелесть оргазма не имеет иных.
Я нынче болен от людей.
Болят мои стихи, и комната болеет,
в которой я закрыт, словно плебей,
ничтожно мыслю и мои идеи зреют.
Слова сейчас противны и чужды,
мне кажется, их хмель обман и пропасть,
бесчувственны их гулкие слоги,
соединяют мысль и безнадёжность.
Мы тащимся и сыпется песок.
Перед грозюю стонет солнце,
от тишины, и детский голосок
есть совершенство беспокойства.
Всё прошлое плетётся по следам,
что будет с нами, не узнать, едва ли,
как рассекает ровно пополам

прозрение и свет, не пощадив деталей.
Слова доступны и просты. Их жизнь
просторна и многолюдна, не отвернуться
от лучей жизнелюбивых линз,
соблазн велик, но страшно обернуться.

Во всё́м виновата власть

Сыплются, как не отправленные письма,
как скомканные сыростью листья,
похожие на гуляющих кошек в ненастье,
при всех наступающих нас несчastьях.
Так при всей нашей окраске,
мы подлежим публичной огласке,
что называется горькой правдой,
уже сегодня, а может быть, завтра,
исключая из своего репертуара страсть,
при всех несчastьях виновата власть!
И когда хочется плакать, а всё же смеёшься,
неизвестно, потеряешься или найдёшься.
Дни становятся всё короче и короче,
дело за старостью, за причалом, впрочем,
память делается длиннее и длиннее,
молодости ветреной значительно прочнее.
И то, что мы следуем по предписанию,
велик соблазн не читать названий.
Ужасно не хочется называть судьбой
то, что влачится всегда за тобой.
И кто же причина всех тех несчastий,
слабость, болезни или горе отчасти,
выдуманная или потревоженная
рассудком или фантазией ложной.
Будем мучиться со своими несчastьями,

станем заложниками ажурной напасти
и вовсе не жаждем другого исхода,
последнего нашего, святого прихода.
Вечный вопрос – в чём уязвимость
бесконечного блага труда и ходьбы?
Как быстро судьба меняет лето на зиму,
и всё это время мы в процессе борьбы.
Я уже сбился со счёта,
всё – перспектива и снег,
теряется в облаках и субботах,
как у родителей случайный ночлег.
Перемешались цифры, предметы,
остаются глаза, кружочки, намёки.
Глаза – это прелесть и наши приметы,
в них радость и слёзы, досада, упрёки.
Не нарушить бы их ревности пределы,
разогнать по углам двойников, ловеласов,
но вспомнить из прошлого хотя бы измены,
поморгать и забыть про всех донжуанов.
История есть трение между предметами,
застывшими насмерть, как будто бы сонные,
и властными, словно рессоры корсета,
с чертами холодными и невесомыми.
Или стремительными, как проспект,
похожими на Пизанскую башню с наклоном,
нацеленную в прошлое за парапет,
навечно застывшую, но не поражённую.
Сиротством, окалиной прожитых лет,
изъеденных голодом, в отсутствие дома,

но с горизонтом и мечтой на просвет,
как лунная ночь с прожилками стона.
Или, что хуже, безмолвие в аксиоме.
Очнётся утро, и наступит рассвет.
Рыжий. С чемоданами на перроне.
Продолжаются жмурки в параде планет.

Ака – 70!

Вспомни, когда нам было по семнадцать,
мы и не думали дожить до стольких лет,
правда приходилось за жизнь цепляться,
память темна и не выносит всё на свет.
Был диплом и медицинский форум, свадьба,
потом дети, квартира, машина жигули,
по разным континентам разбежались братья,
Абдул-Кахир освоил восточный пуп земли.
Ты стал врачом на палубе мира,
твой корабль плывёт на волнах,
у молодых нет другого кумира,
несущего знания в юных умах.
Светится твой путь, искрится,
время несётся без особого звука,
свои грехи ты простить не боишься,
знаешь, что вера есть добрая мука.
Теперь ты спишь в огромной спальне,
с бессонницей, закрывшись на замок
и понимаешь, что может быть печальней,
чем безысходность, когда ты одинок.
В часы ночные, предметы тяжелее
и мыслей скрежет глотает тишина,
подушки, покрывала кажутся белее
в них пустота зеркал отражена.
Январь, на улице суровое дыхание,

а в комнате томительный покой
и тянет в край любви очарований,
наедине с прочитанной строкой.
Душно, ни ревность, ни старость
не удаляют всю опухоль ночи,
где-то в душе шевелящийся нарост,
колит и трет судьбы позвоночник.
Ты напряжения в молчании не выносишь,
зовёт судьба лишь в Кисловодский лес.
Сознание ласкать значительностью просит
и положительных эмоций ждёт с небес.
Весь свет Кавказа на твоём поле играет,
в нём реки меняют свои песни и платья,
как в бесконечном сосуде не исчезает,
движение всей воды в твоих объятиях.
Твоя душа летит по небу ввысь,
вечность на каменных часах,
показывает будущему мысль,
и будет так, как повелит Аллах!
Настал и твой черед живой,
почувствовать крыльев размах иной,
мысли сами взлетят стрелой,
в твоих молитвах одна за другой.
Закрой свой дом, ворота на замок,
земля по совести уже остыла,
ты на заре молитвы слог,
прочтёшь себе под нос уныло.
Бегут года и не стареют твои дети
они, как символ, памятник судьбы.

Их любовь дороже всего на свете,
пусть все у них сбываются мечты.
Когда погаснут свечи и во мгле,
тишина услышит внутренние своды,
ты продолжай молиться и во тьме,
за свет и благодушие природы.
Иди, не сутулясь под тяжестью лет,
от прошлой жизни, дышащей в след,
поступь твоя нестариковски тверда,
твой образ запомнится нам навсегда.
Рассвет взойдёт и зорька встанет,
петух погорланит во все горло,
новым днем жизнь опять настанет.
Образ веры будет действовать покорно.
Какие ещё тебе сказать слова?
Воистину, правда у всех одна.
Единым духом ты жив и сполна,
Ты врач, вкусивший святого вина.
Нет ничего важнее той молитвы,
с которой начинаешь поступь дня.
Ты будь готов на праведные битвы,
бокал вина поднимем за Тебя!

Паранойя

В зеркале под слоем амальгамы
живёт твой образ фасом в раме,
не чувствующий вины за искажённый профиль,
что в маске за спиной оставил Мефистофель.
Попрощайся с ним, как с формой суток,
тогда в стекле увидишь свой рассудок.
Понятно станет, он лучше, чем ничто,
намного проще и до сих пор никто.
Горизонт с облаками напоминает шнур бельевой
с влажными простынями, реющими над головой.
Напрягает мозг телефонный номер.
Неужели опять кто-то умер?
Середина жизни совпадает с концом короткой.
Разница времени зависит от насыщения утробы водкой.
Человек всё время находит свой тупик,
в любой точке света, не изменяя свой лик.
И ты двигаешься в направлении потерянных денег.
Прощаешься с теми, кто покинул жизненный берег
раньше, чем это смогли понять,
почему их смогла догнать,
из множества созданных пуль,
не пуля из свинца, а инсульт.
Кровь не любит поступать в мозг,
когда жизнь натягиваешь как трос
и если мозг не думает о крови,

то ты доводишь здоровье до боли.
Долгое молчание умножает грусть на злобу,
чтобы не видеть неба, надо нырнуть в воду
и оттуда наблюдать протуберанцы,
мысли о плохом закроют пространство.
У многих свое больное воображение,
розовое становится чёрным изображением.
Может, что-то внутри расколосось
и ты слышишь свой внутренний голос,
на отрыв души стало вроде похожим
и ты всё чаще произносишь: «О, Боже!»
Насытившись отражением своим,
ты становишься себе нелюбим,
а осознав свой лишний вес,
отметишь в амальгаме стресс.
Возраст оставляет шрам,
по небритым твоим щекам,
как в джунглях, зияют руины,
а ещё точнее морщины.
Взгляд всегда следует дальше тела,
туда, где нет жизни и всё омертвело,
где глаз остановит свой взор,
пустота открывает затвор.
Всё, что отражение найдёт,
будет отражать жизнь наоборот.
Да, пусть это фантастический бред,
ты, конечно, оставишь свой след,
даже в незримом мире зеркал,
гвоздём по зеркалу, как маргинал.

Страны настигают нас в аэропортах.
Люди скачут, как мячик на кортах.
Относительный покой возникает от трения,
тишины о зуммер бесконечного времени.
Парадоксальность создаёт замкнутые очертания,
где тоска порождает невнятные причитания.
Запах исчезающего счастья стал хуже гноя.
Состояние измученной души, это есть паранойя.
Отражение взгляда в чужих глазах
выражает мысли и на словах,
поражает глубину глазного дна,
непонятную болтовню о коллизиях дня.
Слухи раздражают психику,
если кто-то наводит критику.
И когда между событиями наяву
ожидаешь изменений в твоём мозгу,
да ещё извращения своего взгляда,
который достигнет слухов променада.
Встань в свободную нишу и закрой глаза.
Представь, как бесконечность исчезает за,
лабиринты и коросты эпох,
где никогда не прорастает мох
и что это умом непостижимая вечность,
а ты в это время летишь в бесконечность.
Не раскрывайся перед людьми незнакомых мастей,
чтобы сохранить форму своих же костей.
Старайся сохранить профиль, а лучше анфас,
не обращай внимания на дерзость выкрутасов.

Из вещей предпочитай серое, цвета земли.
От прицела маскируйся, чтоб не навели,
зная языки, не говори на них,
слушай и делай вид, что притих.
Думай, что смотришь в будущее, и держись.
Расстояние между сегодня и завтра наша жизнь.

Помни, что кто с тобой на одном берегу,
вниз по реке выдадут тебя сразу врагу.
Это диалектика. Все глупости без конца
сделаны с умным видом лица,
руками сумасшедшего подлеца.
Жизнь начинается внутри яйца.
Лучше осознать, что не зря жизнь идёт,
возвращаться назад, но смотреть вперёд.
Всё время думать, что повезёт,
даже если нечет, то будет чёт.
Складывай кубики и строй свой дом,
если хочешь, то в небе увидишь гром.
Проблемы разбивай только своим лбом,
обязательно молись перед сном.
И люби себя на всех языках,
непонятное жестами показывай на руках.
Когда заметишь, что вовсе умер,
и на твою ногу прицепят номер,
уже не спрашивай, который час,
затем зачитают последний указ.
Тогда ты увидишь, как жёлтая птица
высидивает лимоны на поле пшеницы

и как дети самолётов на прогулке вторят вопрос,
почему их не учат мёд собирать и делать навоз?
И зачем деревья скрывают сияние корней и древо семей?
И почему чем чаще рыдают, тем тучи чернее и веселей?
В том мире увидишь, как злятся вулканы,
как океаны выпивают разные страны,
и сколько на небе разных церквей,
как за воскрешение наливают глинтвейн.
После этого уже не надо другим выступать,
не зная тебя, лучше твои стихи прочитать.
Вот когда про тебя уже всё рассказали,
то, что ты написал и тебе написали,
заведомо чувствуя затаившийся крах,
а иммунитетом останавливай страх.
Тогда можно будет себе всё простить,
но сохранить желание себя любить.
Ради этого и стоит творить,
чтобы весело было жить.

Беспредел

Все бредут по исхоженным тропам,
кругом шпили торчат, как рёбра Европы,
но мы простые, смертные прохожие,
купола смотрят в небо и очень похожи
на безликие кругом лица,
словно соски молодой девицы,
ещё не кормившей младенца,
кругом русские, евреи, немцы.
Каждому готово место под надзором,
все под прицелом государева взора,
около той незримости пустоты,
с её притягательностью для темноты.
Длина потёмок короче мысли о бесконечности
и той несправедливости и нашей беспечности,
которая есть на этой земле
и существует просто везде.
Во власти замкнутого бетоном мира,
чтобы произвести из понятий лиру,
надо становиться нелюдимым,
чтобы просто обернуться иным.
Вокруг много разношерстных людей,
трудно их понять. Лучше любить зверей.
В их мордах отсутствует честь,
думают они о том, что поесть.
Звери не могут соврать,

им нет смысла взятку брать.
Они не смотрят назад через плечо,
когда их кормят, не требуют ещё.
Человек создал клетку, где отсутствует тень,
а от чёрных мыслей никогда не приходит день.
Судьбу можно перечеркнуть одним,
приговором, что был судим.

Как образно отмечал Солженицын,
жизнь в кандалах украшает лица.
Ему вторило эхо Бродского досужее,
взгляд изнутри острее, чем снаружи.
Не перечислить тюремных строк,
переживших Ильи Эренбурга срок.
Инакомыслие предмет осмысления,
его вдохновение размножается в заточении.
Рабы любят обсуждать жизнь господ,
когда наступит всемирный потоп,
мы все нырнём в водяное царство,
там и будет для всех наше рабство.
В глубокой воде всё происходит вдруг,
затонувшие города, спасательный круг,
повсюду видны всплески скитальцев,
все свободны, нет отпечатков пальцев.
Только на дне видны крыши тюрем,
остатки живых затаились в трюмах,
выживших кораблей, плывущих к закату,
да подводные лодки прокуроров и адвокатов.
Горизонт чист, к нему надо плыть

и ждать, когда колокол будет бить,
извещая о жизни свободной гордо,
где-то на острове ещё очень долго.

Посредственность большинства
демократизируют общества,
что приводит к культурной деградации
и плодит бездельников цивилизации.
Интеллект остался в стороне,
глупец выражает мнение наравне
с умными, разрушая культуру бытия,
а энергия дураков двигает развитие.
Глобальное и повсеместное оглупление,
отсутствие умного управления,
создало человека, не умеющего признаваться,
а власть талантов уже не будет развиваться.
Будущее без перспективы, как туннель неуспеха
там, где застряло и не проходит эхо,
в той психологической от всех дали,
без альтернативы даже по горизонтали.
Жизнь это натюрморт событий мемуарных строк,
всегда помнишь свой первый урок.
Не забываются роды женщины в муке,
тренируя нечувствительность к разлуке,
ожидая каскада для своего наития,
когда обнаружишь себя мальчиком для битья.
Жизнь внутри яйца не предел отчаяния,
стал преступником не жди покаяния.

В пространстве те вещи зримы,
что в отражении неповторимы.
Услышав своё имя, хочется втиснуться в щель,
чтобы тело было трудно найти, как цель.
Правила игры в жизнь неоспоримы,
опасно быть рядом, лучше пройти мимо.
Сохраним на трудные времена для детей
прожитые нами года без нулей.
Даже в пространстве, где нет ничего,
отсутствует безопасность от всего.
Жизнь это движение во времени к смерти,
смерть без времени приходит, поверьте.
Можно вены вскрыть и тихо прилечь,
тёплой кровью до конца истечь,
вспоминая жизнь до последнего вдоха,
лишь бы другим не было плохо.
Прошлое украло время, путаясь в беде,
невзирая на все разборки в суде.
Передачки сыпались на суматошный кон,
охраняя свободу под ржавым замком.
Баландёры спешили на обход, мозг лечили замполиты.
Хлёсткий ветер раздражал и поднимал аппетиты.
Страшная пытка от бессонницы, бессилие видеть,
теряя рассудок, не зная участь, всё ненавидеть.
Это мутящее солнце. Это поэзия осиротела,
шутка запоя, прорва, чувствую мёртвое тело.
Слышен постоянный шум трения железа.
Перезвон колоколов, как мелодия полонеза,
позлащённых солнечными лучами,

напоминает брэнчание тюремными ключами.
Да, бесконечная вереница хмурых лиц,
напоминает стаю теней, похожих на птиц.
Судьбу, как пружину, зажали до,
замкнутости внутри два пи-эр-проводов
и предела возможности отсутствия звука,
не подчиненных закону Гука.
Будет что написать потомкам,
рвётся не там, где очень тонко,
как свободу не терять на воле,
чтобы ненависть была острее боли.
Свобода это достижимая даль в любую сторону,
когда можешь нырнуть в реку абсолютно голым
и слушать, как петухи надрывают гортань
в туманную, предрассветную рань.
Набираю текст на разных языках.
Всем, кто когда-то был в кандалах!
Вам свои мысли рифмую звуком.
Набиваю в эфире крик души перестуком!

Портрет отечества

Мы родились в прошлом веке
не по воле Господа Бога.
В инкубаторе, где не думали о человеке,
как продолжателе российского рода.
Мы учились в советской школе,
нас шеренгами принимали в пионеры,
мозги нам вправляли в комсомоле,
наш образ жизни превратили в химеры.
Мы учились, учились, учились.
В перерывах нас учили, учили, учили.
Затем мы всю жизнь трудились,
к старости надрывались все наши жилы.
Мы пели песни о нашей жизни,
нас всегда водили строем,
чтобы все любили отчизну,
она граждан обнимала запоем.
Что осталось от прошлой державы?
Русский, великий язык,
незабвенные русские нравы
и на всё равнодушный мужик.
И это всё в центре абсурда,
описано на родном, русском слоге,
все ужасы драматурга,
происходящие в медвежьей берлоге.

Там раскрывается суть нищеты,
как парадокс богатства,
в результате поголовной бедноты
на земле российского рабства.
Здесь человек загоняет себя в тупик
в любой части света.
Мы все на спектакле, который возник
в начале прошлого века.
Уже был антракт после коммунизма,
упал занавес перестройки.
Граждане страдают от нигилизма,
проживая на родной «помойке».
На карте крупное пятно,
по границам у Руси,
на трубе сидит оно,
одна шестая часть суши.
Там старики ждут быстрой смерти,
всюду звёзды красные горят.
Молодёжь под кайфом вертит,
все по-русски говорят.
То отечества портрет,
дым от пачки сигарет.

Капитализм есть коррупционная власть,
плюс подавляющая мистификация.
Основная цель деньги красть
и печатать новые ассигнации.
Деньги плодятся как тараканы,
они заполняют всё пространство

и текут они, минуя карманы,
вопреки законам дедушки Маркса.
Деньги это отношения между людьми,
для каждого есть цена его поступка,
как-только взял купюры взаймы,
время оценит твои предрассудки.
Кто-то за десять, другие за сто
готовы предать свою честь и совесть,
а за миллион ты уже никто.
Деньги убивают всё, остаётся корысть.
Коммунизм канул, как безденежный пиар.
Настоящего нет без движения счетов.
Человечество похоже на больной кошмар,
издающий треск денег, как гул проводов.

Над столицей, над Москвой
воздвигли олигархи град.
Он разносит сити-вой,
забавляя променад.
Москва на его фоне
сжалась до границ забора,
как во флаконе,
вокруг кремлёвского светофора.
Под зелёный цвет вперёд
двигается утопический капитализм,
он ведёт себя как сумасброд,
творит неуёмный цинизм.
Государство есть главный пастух
на пастбище коррумпированного капитала,

кто не пасётся, тот жуёт лопух
и ожидает своего провала.

Вот такая с государством игра
в бизнес-рулетку.

Одним дают от жилетки рукава,
другим от поноса таблетку.

Сто лет говорят, что Россия богатая страна,
такие взгляды превратились в фобию,
у нас всего хватает, но не всем сполна,
россияне видят жизнь из-под надгробия.

О сильном государстве мечтают первые лица,
используя мозговой фарш чужих мнений.

Чиновники и бизнесмены реализуют амбиции,
о народе думать им не хватает времени.

«Лишь бы не было войны»,

в народе твердят, как девиз.

Беспощадно сворованы недра страны,
на это нет просто реприз.

Мы копошимся на своей площадке,
отведённой для мифотворчества.

Мечтаем вырастить чудо на грядке,
как в сказке народного творчества.

Наш президент лишь фигура речи.

Цинизм и ложь о способности России
нас не накормит и не излечит

от генетических болезней истерии.

Бедность стала привычным состоянием
большинства существующих в долг.

Нищету определяет приём подавания

и неприемлемость проживания впрок.
Существование в завтрашнем дне
определяет мера наёмного рабства.
Способность продать свой труд вполне
объединяет неимущих в условное братство,
Почему молчат наши Боги?
Зачем страдать, зачем рожать?
Нам неоткуда ждать подмоги.
Неужели только за море бежать?
Здесь у мужиков не осталось чести.
Если Родину поменяешь на чужбину,
то исчезнешь с судьбою вместе
туда, где смотрят в лицо, как в спину.
Уже за морем отчий дом,
где нам всегда не очень рады.
Мы отчизну не любим за то,
что в ней остаётся всё меньше правды.
Ты, Родина, тиранами себя сокрушила.
Твой народ страдает от любви и боли.
За что ты, держава, Царский род порешила?
Я свой голос за Царя отдал бы, что ли.
Боже! Царя верни!
Господи! Не допусти уничтожения!
Появись же, спаситель страны!
Воскресни, Россия! Боже, спаси народ от обречения!

Стихи (2016—2019 годы)

За

За климат, от которого не тошно,
от душного припадка и озноба!
За прелесть красоты и что не пошло,
когда в мозгах отсутствует тревога!
За суету спящих запятых и точек,
калейдоскопом терзаний и бесед,
за неподкупность семейной оболочки,
осознанно несущей словесный бред!
За звуки, устремившиеся в пропасть,
похожие на мысли виртуоза перед сном!
За правду и озвученную робость,
измученную отверженным трудом!
Настанет день, когда рассеется туман
и сны развеют недоступную мечту,
а первый оглушительный роман,
вновь потрясёт и ввергнет в красоту.
Пусть будет вальс с пронзительным парением,
чужачества и поцелуи будут все возможны.
Настанет новый день и с новым вдохновением,

нам будет, что сказать, простым прохожим!

12 ноября

Вспомним первые наши сто грамм,
в шуме плеска морских валов,
при грохоте волн, стремящихся к нам,
гудение строк неразборчивых слов.
Море звучно – это чья-то речь,
сущность мыслей, засевших в мозгах,
в плеске волн необходимо сберечь,
лишь смерть оставляет жизнь в долгах.
Струился свет сквозь щель в двери,
на небе кровь свернулась в строчку,
закат багровый изнутри,
обтягивал ночную оболочку.
Так каждый раз уходит день,
свой завершая круг отсчёта,
а наша суточная тень,
заснёт до утреннего срока.
И будут сны по памяти бродить,
искать мгновения в судьбе,
родные не перестанут говорить,
напоминая только о себе.
Как всех собрать в один момент,
живых, усопших, в даль ушедших,
чтобы отметить этот день
и не остаться сумасшедшим.
Желание каждого обнять

и пару слов в своём значении,
так хочется вам всем сказать:
«Я вас люблю, в свой День рождения!»
Встречайте! Пусть ветер свистит.
Пусть жизнь продолжается для всех,
а будущее о прошлом не грустит
и радуется взрослых ребячий смех.
Вспоминайте раз в год меня, господи
я к вам словами вернусь навсегда!

Нутро поэта

Почему мало гениальных людей?
Спрос на великие умы неумолим,
на вундеркиндов и, конечно, вождей,
на романистов и неистовых мужчин.
Между личностью и трудом,
величием человека и величием дела,
образованием и знанием, потом
гуманностью и природой всецело.
Рубеж не могут преодолевать
способности нравственного величия,
быть человеком и изображать,
мудрость жизни, наследуя безразличие.
Поэты не иррациональная власть,
они верят в слово и стоят на том,
что их уста и жизненная страсть,
говорит сердцем, нацией, нутром.

На кончике пера

Преемственность ведет к стихосложению,
она помогает избегать клише,
что придает искусству ускорение,
хранить увиденное в памяти, в душе.
Поэзия не баловство и даже не искусство,
это нашего языка, эволюционный маяк.
Овладев с детства языком, человек искусно
преследует цель генетики. Поэт есть маньяк!
В основном человек не достигает полных знаний
и не научился нагружать свои фразы смыслом,
чтобы исцелять людей от всяческих страданий
и приносить им радость в чертах гуманизма.
В душу не зайдешь, не осознав строки,
память не утешит в забвении плоть
и не сделает финал менее горьким,
пока не войдет по генам в кровь.
Наше общество, как безъязыкую семью,
везет без расписания поезд в никуда
и только чтение поэзии дает стезю,
для прогресса умственного труда.
Стихи доступны огромной аудитории,
в финале читатель постигает откровение,
так как, стих полноценен в теории
и раскрывает суть разума и творения.
Поэзия использует ритм языка,

который приводит к откровениям.

Во время чтения, поэт проникает в тебя
закрывая книгу, думаешь с сожалением,
не можешь чувствовать себя неистово.

В этом и заключается суть всей эволюции.

Ее цель красота, порождает истину,
объединяя разум, и чувства во времени.

Красота может быть воплощена только в словах.

Человек не способный к адекватной речи,
прибегает к насильственным действиям в делах,
расширяя словарь кулаками и картечью.

Разумные вехи

Дерзкий пасынок веков,
непонятно с каких пор,
вышел на простор грехов
и крадет, как тайный вор.
Он совершает свой виток,
набивает электронно,
свой финансовый мешок
и долги растит законно.
Чешуей чужой шуршит,
против шерсти мира, впрок,
и порядок свой вершит,
мировой инфаркт глубок.
Время царствует на троне,
слово будто колобок,
мировой язык жаргоном,
выражает свой упрек.
От угроз мир потемнел,
кто-то получил пинок,
от незваных, мертвых тел,
помнит атомный урок.
Есть разумные вехи всегда,
над нами есть роковая звезда.

Основа основ

По маме должно быть я еврей,
таким родился из ее чрева
и должен значительно смелей,
писать справа строку налево.
Да, видимо на то Господняя воля,
моей кириллице доступна белизна,
язык взращен мой в русском поле,
земля не кровоточит, как десна.
Мозги мои проникнуты любовью
и мысли не влекут в бесчеловечность,
а философский взгляд, тем более,
не тянет в дурную бесконечность.
Мои творения в этом новом веке,
суть смысла их рождается из снов,
закрыв во тьме кромешной веки,
поймешь основу всех основ.
Суть жизни бессмертная, чем Мы,
кто это знает под нашим небосводом,
тот может видеть свет из тьмы
и двигаться в истории с исходом.

Жизнь без обратного билета

В любые времена эпохи,
жизнь на земле, как битва,
поэтов измученные вздохи,
в стихах оживают молитвой.
В них и любовь и радость,
выше закона милость
и сокровенная сладость,
прощение и справедливость.
Стихи, словно зной в пустыне,
томят влюбленных жаждой
и умножают им силы,
на что способен каждый.
пусть блуд труда в крови
от Бродского и Мандельштама,
о прошлом, говори, не говори,
оно на устах всегда без обмана.
Подумаешь, чем связан с миром,
то это поступь живого языка,
он ключик от каждой квартиры,
где рождение происходит стиха.
Когда Рембрандт гостил у Рафаэля,
а Моцарт от Москвы души не чаял,
Есенин просто творил с похмелья,
а Пастернак не мог писать без чая.
Уверен, что я еще на старте

и шагом на дорогу выхожу,
держу разбег в своем азарте,
поэзии и языку служу!

Я не видел, как голуби плачут,
не пойму, как тьма рождает свет.
Время стремится вперед, не иначе,
жизни не нужен обратный билет.

Пусть будущее не грустит

Ничтожность жизни наступает,
когда любовь как чувство исчезает,
и остаётся лишь одна забота,
строку кропить на белизну блокнота.
Есть адрес регистрации дверей,
но нет замочной скважины, ключей,
а время тикает и гонит всех вперед
и деньги в минус загоняют счет.
В руках все время разряжается айфон
и заполняет смыслом жизни фон:
«Папа – это ты?» – и дальше детский смех,
и после думать о плохом великий грех.
В душе навечно поселилась вера,
чтобы мечта всегда о ней болела,
о сути жизни, ради чего живем,
и если это есть, за это и умрем.
Уже начинается жизни отлив,
пора переехать в страну олив.
Судьбой насытился по самую грудь,
но не собираюсь в последний путь.
Меня некому будет туда провожать,
а так хочется многим руки пожать.
Да на миг всего, заскочить домой,
обнять всех детей, одной гурьбой.
Затем в том Храме, где крестили меня,

поставить свечу для святого огня,
и всей душой пожелать добра,
всем тем, кто желал мне всё время зла.
Пусть будущее для всех не грустит,
и солнце светит, и ветер свистит.
Лишь только память всегда со мной,
да стихи в мозгах, тишина, покой.

Земное добро

Между бессмертием и смертью
я предпочел бы писать стихи.
Они переходят в вечность и тверже гранита.
Где меня не знают, там с честью
я появлюсь внезапно в тиши,
уйду, если тревожно, найду, если дверь закрыта.
Я не зависим от забот,
в своей судьбе – я сам себе режиссер.
Свободен я и только тем живу,
мой путь не выбирает троп,
когда отдыхаю, то рядом трещит костер.
Меня легко отыскать в бесконечном ряду.
Ты есть – и нет тебя, так думают чудаки,
что ты напишешь безразлично придуркам,
если подбить баланс, то мы все богаты,
а на самом деле – мы просто новые бедняки.
Я люблю бродить по узким переулкам
и заглядывать в окна, в чужие палаты.
Тело мое растворилось в пространстве безбожно.
Хочу грызть сухари и вино виноградное пить.
Пусть мои враги захлебнутся от счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.